

Русская мысль —
Париж. — 1995 —
26 окт. — с. 15.

АФИША НЕДЕЛИ

Ностальгия не такая, как прежде

25 октября на парижские экраны
вышел фильм Эмира Кустурицы «Андерграунд»

Эмир Кустурица
в фильме
«Андерграунд».

«Я всегда
мыслю
метафорами.
Мой главный
враг — это
натурализм.
Как только
я беру в руки
камеру,
реальность
исчезает».



«Жила-была одна страна», так поначалу назвал свой новый фильм 40-летний югославский (впрочем, в последние 10 лет — уже американский) режиссер Эмир Кустурица. А потом передумал. «В этом было какое-то смешение, — считает он. — Могли подумать, что я даю глубокомысленные ответы на неразрешимые исторические вопросы. А моя цель была совсем иная... Мой фильм — это история дружбы, которую обстоятельства превратили в трагедию...»

Теперь фильм Кустурицы называется «Андерграунд». Впервые он был показан на Каннском фестивале в мае 1995 года и получил там высшую награду — Золотую пальмовую ветвь. «Я полагаю, что Канн не будут об этом сожалеть», — заметил тогда без ложной скромности победитель.

И в самом деле гигантская кинофреска (в первоначальном фестивальном варианте фильм шел 3 часа 12 минут, это уже теперь его на 25 минут сократили) «в стиле Босха, Жана Виго и Феллини» произвела во дворце Круазетт впечатление разорвавшейся бомбы, хотя, быть может, этот взрыв и не был прямой сопоставлен с тем, что происходило в это время на родине самого режиссера, выросшего в смешанной мусульманско-сербско-словенско-хорватской семье в Сараево.

Многие критики, однако, сразу же усмотрели в фильме Кустурицы «опасные политические тенденции». Одни обвинили его в антисербской направленности, поскольку главный герой-серб изображен отнюдь не положительным. Другие (большинство) считают, что Кустурица настроен откровенно просербски и присудить ему высшую награду в самый разгар событий в Тузле — значило стать (как это якобы сделал и сам режиссер) «на сторону палачей». Именно так оценил решение фестивального жюри Бернар Анри Леви. Кустурица этого не забыл и отказался участвовать с ним в одной телевизионной программе у Бернара Пиво. Впрочем, это было уже позже.

Сам режиссер категорически не согласен с такой «примитивной трактовкой», утверждая, что даже «в самом глухом голливудском уголке сегодня так на вещи не смотрят».

«Я не собирался ставить исторический фильм, — говорит он с горечью, — даже если в нем и отражены какие-то реальные события. Мои герои прежде всего защищают свою землю. В нынешней балканской мясорубке в любом из лагерей, я уверен, поклонение земле сильнее всех гражданских чувств. Ведь для каждого из нас родина — это прежде всего наш дом, дерево, цвет неба, брат, родственники. А вовсе не партизанская идея...»

Фильм Кустурицы начинается в оккупированной Югославии в 1941 году, а кончается в Словении 1992 года среди разрушений и крови гражданской войны. 50 лет, вместивших в себя многое: сначала ужасы Второй мировой войны; потом — подвал, в котором мирные жители спасаются от бомбардировок и арестов, да так и остаются на многие годы, когда война уже ушла; и наконец — новые разрушения и ужасы теперь уже междоусобной гражданской войны. Круг замкнулся.

И мысленно ностальгически оглядываясь на пройденный путь, режиссер констатирует, что разрушитель-

ная война, с которой в мирном городе Сараево начался этот страшный век, в сущности, никогда не кончалась; что желанный коммунистический рай с его идеями равенства и братства — не что иное, как гигантское подземелье, «андерграунд», где царят ложь, обман, насилие и ненависть; что выхода из этого злого и тупого абсурда, похоже, нет, ибо поле и во время битвы и после нее принадлежит мародерам, циничным демагогам и темным дельцам.

«Я отказываюсь идеализировать эту реальность и воспевать традиции, в которых мы выросли; почва, на которой выросли мои герои, это перегной, жестокий, эротический, трогательный, ненавистный. И именно он навсегда вписался в судьбу моих героев...»

Эмир Кустурица не отрицает, что он испытывает глубокую ностальгию по прежней жизни, когда Югославия была многонациональной и многоцветной. «Да, это было. И этого не будет уже никогда. Ибо великая идея сегодняшнего дня — разбить все на мелкие кусочки».

Новый фильм Кустурицы должен был обсуждаться в минувшую пятницу, 20 октября, в известной телевизионной программе Бернара Пиво «Культурный бульон», посвященной истории влияния коммунистической пропаганды на западных интеллектуалов и проблемам сегодняшнего мира после внезапного крушения «империи Зла», однако, как уже было сказано, режиссер на эту встречу прийти отказался.

Передача, однако, состоялась, и прошла весьма успешно. В основу ее Бернар Пиво положил две книги — беллетристическую публицистику американского историка Стивена Коча «Конец невинности», вышедшую в начале октября в издательстве «Грассе», и документальное повествование Владимира Буковского «Московский процесс», построенное на анализе секретных архивных документов, с которыми бывший правозащитник, высланный в 1976 году из Советского Союза, получил возможность ознакомиться, будучи приглашенным в качестве эксперта Конституционного суда на процесс по делу КПСС в Москве в 1992 году. (Главы из этой книги, только что вышедшей на французском языке в издательстве «Робер Лаффон», мы сейчас печатаем по-русски в нескольких номерах «РМ»).

Картина мира конца столетия, обозначившаяся на дискуссии в передаче Бернара Пиво, весьма симптоматична: метафизический механизм и реальные пути коммунистического соблазна, десятилетиями окутывавшего мир, а затем — внезапное его крушение и обнажившееся, как после отлива, уродливое зараженное дно — «андерграунд». Все это оставляет так же мало иллюзий и надежд, как и фильм Эмира Кустурицы.

Для полноты картины, пожалуй, нехватало лишь книги Андре Фонтена (бывшего директора газеты «Монд» в 1985—91 годах), вышедшей в другом крупном французском издательстве «Файяр» — в те же самые дни. Ее название столь же емко и метафорично, как и фильм Кустурицы: «После них — хоть потоп».

АРИНА ГИНЗБУРГ

Париж